

С. О. ШМИДТ

**«СЛОВО О ДАРИАНЕ-ЦАРЕ»
В РУКОПИСНОЙ КНИГЕ XVI в.**

Слово, или повесть, о Дариане, гордом царе, уподобившем себя богу, давно уже известно филологам и литературоведам. Памятник опубликован в таком распространенном издании, как «Русская хрестоматия» Ф. И. Буслаева. Издания и рукописные тексты повести указаны в сводных библиографиях древнерусской повести

⁶¹ ЦГАДА, ф. Крымские дела, кн. 15, л. 321.

В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской и А. И. Назаревского.¹ (В обоих библиографических трудах не отмечена публикация повести в третьем выпуске «Памятников старинной русской литературы»²). Содержание повести подробно изложено в первом томе «Истории русской литературы», издаваемой Академией наук СССР. Повесть, по мнению автора этого параграфа М. А. Яковлева, «направлена против царского высокомерия».³ Повесть признается переводом с греческого оригинала, сделанным, вероятно, в XI—XII вв. Греческий подлинник этого сочинения до нас не дошел. Древнейший русский список — XV в. Однако в трудах историков, даже историков общественной мысли, повесть о Дариане до сих пор остается обойденной.

Цель сообщения: привлечь внимание историков к этому любопытному памятнику, ознакомить с неизвестным ранним списком «Слова о Дариане царе» и поделиться некоторыми предположениями о причинах интереса к этому сочинению в определенных общественных кругах.

Новый список повести о царе Дариане находится в рукописном сборнике XVI в. в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области (№ 1265).⁴ Сочинение имеет киноварный заголовок «Слово о Дарияни царе, како ся велел звать богом».

При сравнительном изучении известных списков повести о Дариане (как напечатанных прежде, так и публикуемого в приложении) обнаруживаются заметные разночтения. Можно предполагать даже, что существовали две редакции повести: краткая (вероятно, более ранняя) и пространная (повесть этой редакции опубликована на стр. 343—344 вып. II «Памятников старинной русской литературы», СПб., 1860). Повести краткой редакции также заметно разнятся между собой. Так, в опубликованных ранее списках царица обращается к царю со словами: «философи изблазниша тя». В публикуемом тексте царь говорит царице: «философи мя соблазниша». Эти и многие другие разночтения, свидетельствующие о постепенном отходе текстов повести от протографа, — показатель достаточно широкого распространения повести.

Интерес к повести возникал, очевидно, в тех общественных кругах, где поддерживалась мысль о том, что священство выше царства, и где старались противостоять росту политической власти

¹ Древнерусская повесть. Библиография истории древнерусской литературы. Вып. I. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, стр. 74—75; Библиография древнерусской повести. Составил А. И. Назаревский. М.—Л., 1955, стр. 92.

² Памятники старинной русской литературы, изданные. Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862, стр. 58.

³ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 167—169.

⁴ Сборник кратко описан В. В. Лукьяновым в машинописном дополнении к его книге «Описание коллекций рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков» (Ярославль, 1957).

московского государя. Характерно, что рукопись, по которой прежде опубликовали повесть, была составлена в Пскове в 1494 г.⁵ А это был период острой борьбы против наступательных действий Москвы.

Не случайно и включение повести о Дариане в состав сборника Ярославской коллекции. Сборник был составлен в Новгороде в то время, когда архиепископом был Пимен. Об этом узнаем из записи 1558 г. вкладчика Сковородского монастыря Григория Никифорова.⁶

Первые 326 листов сборника имеют схожие палеографические особенности. На этих листах помещена «Пчела» (лл. 190, 123—257 об.) и другие религиозно-назидательные сочинения, в том числе предания о постройке новгородских церквей и монастырей и о чуде Варлаама Хутынского.⁷ Во всех этих преданиях проводится мысль о руководящей роли церковных деятелей в политической жизни Великого Новгорода. Повесть о царе Дариане также рассматривалась составителем как религиозно-назидательное произведение. Характерно, что в заголовке повесть названа «Словом», а «Слово» в понимании древнерусских книжников должно было содержать обращение к читателю и проповедь на конкретную тему.

В «Слове о Дариане-царе» читатели могли увидеть намек на хорошо известные им обстоятельства современной политической истории. Конец 50-х годов XVI в. — годы удаления от дел руководителей «Избранной рады» священника Сильвестра и митрополита Макария, тесно связанных с новгородцами, время ослабления влияния церковников на правительственную деятельность. Интересно, что в посланиях Ивану Грозному Курбский (также близко связанный с церковными деятелями Северо-Западной Руси)⁸ отмечает «гордость» царя;⁹ особенно подчеркивается это во втором послании: «...от преизлишняго надмения и гордости, мнящися о себе мудр всеа вселенныя учитель быти».¹⁰ «Слово о Дариане-царе» могло использоваться, таким образом, определенными кругами в общественно-политической борьбе.

⁵ А. Х. Востоков, Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, № CCCCLIII.

⁶ С. О. Шмидт, Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в. Сб. «Лингвистическое источниковедение», М., 1963, стр. 148—152.

⁷ Некоторые из подобных преданий опубликованы по другой рукописи в издании: Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860, стр. 251—256, 273—274. Повесть о постройке новгородской ропаты опубликована по этой рукописи в приложении к статье С. О. Шмидта «Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты» (Историко-археологический сборник. К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 319—325).

⁸ Р. Г. Скрынник о в. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. ТОДРА, т. XVIII, 1962, стр. 99—116.

⁹ РИБ, т. 31, стб. 6.

¹⁰ Там же, стб. 153.

Задача дальнейшего исследования — определить, какие изменения и под воздействием каких обстоятельств появлялись в тексте повести; каково соотношение повести и памятников публицистики (особенно новгородской и псковской) XV—XVI вв.; каков состав рукописных сборников, включающих повесть.

Наши представления об общественно-политической борьбе в России в годы образования и оформления централизованного государства, несомненно, только углубятся с изучением круга чтения участников и современников этой борьбы и изменений, вносимых под ее влиянием в памятники публицистики.

СЛОВО О ДАРИЯНИ ЦАРЕ, КАКО СЯ ВЕЛЕЛ ЗВАТЬ БОГОМ

Бысть некий царь Дариян. Повели бояром своим звати ся богом, и не восхотеша бояре его звати богом. И отвеща царю: «мниши в сердце своем, яко не было бога прежде тебе. Аще призовем тя вышним царем в царех, егда же примеши вышний Ерусалим и святая святых». Он же причинив ся и собравоя многи и шед взя Ерусалим и возвратися воспать. И рече им: «яко же бог велит рече ти тако створиш; возовете мя богом».

Имеюще же у себе 3^а философы и вопроши перваго и отвеща ему первый и рече: «аще хощеши зватися богом, да несть боярину возвратися в царевы полаты, а не выступить ис полаты, яко тако и ты. Яко хощеши зватися богом, да выступиши ли от всея вселенныа и тако возовешись богом».

И рече ему другой философ: «не можеши ты, царю, зватися богом», и рече ему царь: «о чем?». Он же рече ему: «глаголет Еремея пророк, — бози не сотвориша ни на небесе, ни на земле, да погибнут, аще ты царю хощеши зватися богом, то погибнеши звовися богом».

И рече ему 3-й^б философ: «господине мой, царю, помози ми в час сий в борзе». И рече ему царь: «что ти есть?» — и рече ему философ: «яко лодья моя хошет погрязнути за тремя верстами, и все имение мое в ней». И рече ему царь: «не бойся пошлю люди приведут ю». И рече ему философ: «чему царю трудиши люди своя, послы ветр тих, да спасет ю».

Царь же, поразумив и помолчав нелюбовию, и иде ко царици своей в полату, и рече к ней: «фолософы мя соблазниша и рькоша ми, яко ты не можеши зватися богом». Слышав же сия царица, хотя ему подати утешение от печали тои, и рече ему: «ты еси царь, ты еси богат всем, еси достоин чти великой». И рече ему царица: «сотвори еще едино и тогда взовешись богом». И рече: «Которое?». И рече ему царица: «поклад божий, еже имаши у себе, возврати ему». Он же рече ей: «который поклад?». Царица же

^а В рукописи 300.

^б В рукописи 300-й.

рече ему: «возврати душу свою, яже бог положи в тело твое и тогда взовешись богом». Царь же рече ей: «аще не будет души во мне ни в тели моем, како взовуся богом?». Царица же рече ему: «да аще царю душею своею не владееши, то како ты можеш зватися богом».

*(Государственный архив Ярославской области.
Коллекция рукописей, № 1265, лл. 305 об. — 306 об.)*